

АЛЕКСАНДР СОРОКОВИК

ПРИНЦЕССА СО СКРИПКОЙ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Александр Сороковик
Принцесса со скрипкой

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Сороковик А.

Принцесса со скрипкой / А. Сороковик — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-35-929066-6

Перед вами – сборник рассказов о наших современниках. Автор попытался в этих рассказах ответить на важные вопросы. Дачная обыденность: рутинная скука или жизнь в её разнообразии? Можно ли вернуть разбитую любовь? Почему взрослые дети так хотят продать старый дом? Насколько волшебной может быть мелодия скрипки? Что произошло с обычным Гладиолусом? Правильно ли поступила современная Золушка? Как уцелеть, если жизнь выносит на встречную полосу? А также – ещё две истории о любви. Несостоявшейся и вернувшейся эхом, и преданной, забытой и растоптанной...

ISBN 978-0-35-929066-6

© Сороковик А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Дачная муть	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александр Сороковик

Принцесса со скрипкой

Дачная мать

Супруги Захарьевы собирались на дачу. Собственно, собиралась в основном Ангелина Степановна, невысокая, широкая, особенно ниже талии, крепкая недавняя пенсионерка. Она деловито упаковывала в сумки и пустые вёдра картошку, пластиковый контейнер со сваренной гречкой, банку с котлетами.

Едут они на два дня, в воскресенье вечером надо вернуться – её мужу, Николаю Васильевичу в понедельник с утра на работу: он хоть и на пенсии, подрабатывает охранником, сутки через трое, и сегодня, в пятницу, у него первый выходной. Известное дело, лучше ехать в будни, когда народу меньше, но тянуть нельзя – начало лета, помидоры-огурцы, фрукты-ягоды. Надо поливать, пропалывать, собирать урожай, везти его домой и крутить на зиму компоты-соленья.

Холодильника на даче нет, как и электричества – Ангелина Степановна решила, что проводить его дорого, да и незачем: дни летом длинные, а вечером разжечь дровяную плиту, поужинать и собраться ко сну можно и с аккумуляторным фонарём, соединённым с радиоприёмником – заодно и новости послушать, или музыку.

В первые дни они съедают привезённые с собой неизменные котлеты с кашей и борщ. Потом покупают на местном рынке творог, сметану, сало. Тем и питаются. Вообще, Ангелина Степановна излишеств не одобряет. Она приезжает на дачу работать, или, как говорили во времена её молодости – бороться за урожай.

С рассвета до темноты супруги Захарьевы трудятся в саду и на огороде. Небольшой перерыв делают только днём, в жару: обедают, пьют чай, иногда дремлют в тенёчке час-полтора. После обеда – самая работа: жара спадает, приходит прохлада. Так и возятся до темноты.

Вечером поужинают, посидят на лавочке у входа, и спать. С соседями особо не дружат, так, здороваются, говорят о погоде, о колорадском жуке, о купоросе. Вернее, говорят жёны. Мужчины общаются мало – на трезвую голову, какое общение, а выпить бабы не дадут, это проверено.

Ночью Николай Васильевич часто лежит без сна, ему кажется, что живёт он впустую: дача, огород, закрутки – всё, что он называет дачной матерью, дежурства на стоянке, нечастые выпивки, когда удаётся ускользнуть от бдительного надзора супруги. Одна отрада – внук Сергунька, которого изредка привозят дочка с зятем.

Живут они не богато, но вполне устойчиво: долгов и кредитов не имеют, коммуналку платят вовремя, питаются прилично, внучонка балуют подарками. Что еще нужно? Но иногда вдруг вспоминается ему молодость, стихи, публиковавшиеся в студенческой многотиражке, рассказы, которые он посылал в журналы. Чья-то тоненькая фигурка, мелькнувшая в рассветных лучах. Сцена с бьющими в глаза прожекторами.

Николай Васильевич сердито поворачивается на другой бок, пытается заснуть, считая баранов, злится на себя: мало ли что было в давние времена, сейчас уже пора забыть всё это, он пожилой человек, дедушка пятилетнего внука, надо думать об огороде, семье, стариковских болячках и не берeditь прошлое.

В этот раз их сборы были прерваны неожиданным звонком. Судя по долетавшим до него репликам и охам, глава семьи понял, что звонила дочка Лиза, и что ситуация там серьёзная. Когда супруга отрицалась, напилась корвалола и смогла более-менее внятно рассказывать, оказалось, что всё не просто серьёзно, а критически.

Зять Анатолий, погуливающий с первого дня брака, в этот раз попался с поличным. До того были скандалы по поводу сообщений в телефоне, поздних возвращений, запаха чужих духов и следов помады. Толик на голубом глазу нёс какую-то ахинею, смотрел честными глазами, а Лиза верила... или делала вид, что верит.

Но вчера на работе у неё разболелся зуб, она отпросилась, поехала в скорую, а после всех операций, не отойдя толком от наркоза, измученная и несчастная, зашла в свою квартиру и застала мужа на их супружеской кровати с какой-то девицей, прямо на пике процесса.

Что там происходило дальше, понять было трудно, но всё шло к тому, что Ангелине Степановне приходилось срочно ехать в соседний город и разруливать ситуацию. То ли мирить супругов, то ли делить их квартиру и забирать Лизу с Сергунькой к себе.

В любом случае, ехать на дачу надо будет Николаю Васильевичу одному – хотя бы полить огород, собрать созревшее, ну и прополоть грядки по возможности. В общем, уезжал Захарьев в растерянности. С одной стороны – два дня бесконтрольного и безнадзорного пребывания в имени, как он иронически называл их дачу, а с другой – совершенно непонятно что делать с этой свободой, так как без своей Гелечки он бывал в основном на работе, в сугубо мужском коллективе автостоянки, где вместо супруги свободу ограничивала необходимость трудовой дисциплины.

Из-за всех этих волнений и сборов жены в дорогу, ему пришлось выехать не днём в пятницу, а рано утром в субботу.

* * *

Июнь – начало лета, месяц жаркий, да ещё на небе ни облачка, так что, пока доехал на электричке, и добрался до домика, от утренней прохлады не осталось и следа. Да ещё и завернул немного в сторону, в местный магазинчик-забегаловку, взял чекушку, распотрошив свою небольшую заначку.

«Хорошо бы, чтоб Мишка один приехал!» – подумал Николай, имея в виду соседа по даче. Тот бывал без жены довольно часто, но объединиться для выпивки всё равно не получалось: Захарьев всегда приезжал с Гелей.

Он спрятал в «холодильник» – специальное ведро на верёвке, опускаемое в прохладный колодец, свои неизменные котлеты, контейнер с кашей и заветную чекушку. Вышел в огород, осмотрел фронт работы. На его счастье, её было не очень много: собрать чуток малины, клубники да черешни, десяток огурчиков – это решено было оставить на завтра, перед отъездом.

А сейчас он немного прополет грядки, днём, в самую жару, поспит, а вечером, по прохладе, польёт, всё что требуется, затем удалится в домик, включит аккумуляторный фонарь-радиоприёмник, и поужинает котлетами под водочку. Скорее всего – один, так как на участке Мишки было тихо: видно, не получилось у них приехать. С соседом справа, отставником Гаврильчем, он не дружил: тот не только не пил водки, но и увлекался сыроедением, мог говорить лишь о пользе такой кормёжки, здоровье, долголетию и прочих неинтересных вещах.

Соседей напротив Захарьевы почти не знали: там изредка приезжала шумная молодёжь, жарила шашлыки, пела под гитару. Иногда бывали какие-то тихие старики, они убирали участок, поливали деревья – огорода там не было – и ни с кем особо не общались.

Николай Васильевич принялся за грядки. Сорняков выросло не очень много, так что вскоре он управился с огурцами и перешёл на помидорные ряды. Работалось как-то легко, свободно. В любой момент можно было передохнуть, а потом взяться за тяпку с новой силой.

Геля не одобряла такой метод. Она, словно заведённая, почти не разгибаясь, рубила сорняки на одной грядке, переходила на другую, выдирала особо злобные экземпляры руками, наклоняясь ещё ниже. Не любила, когда муж садился «перекурить», ворчала, что отдохнуть можно и в обед, а сейчас надо работать.

Когда он заканчивал третий ряд, ему послышался слабый голос со стороны калитки:
– Молодой человек, а молодой человек! Можно вас?

Обернулся в ту сторону, просто посмотреть, не относя столь легкомысленное обращение к себе. Однако звали именно его. За калиткой маячила фигура девушки или молодой женщины в лёгком цветном сарафане выше колен, синей косынке на светлых волосах. Она махала ему рукой, улыбалась, звала подойти.

Недоумевая, приблизился, неуверенно улыбнулся в ответ.

– Ой, как хорошо, что вы отозвались! Тут как в пустыне, никто не слышит, или вообще, какие-то ужасные типы. Я ваша соседка напротив, меня зовут Эля. Мы тут собрались вечеринку делать, шашлыки там, торт с чаем. Эти негодяи меня забросили с кучей сумок, газовым баллоном и прочими тяжестями, готовь, говорят, всё, а мы вечером привезём мясо, торт и прочее. А оно всё такое тяжёлое, противное, как я одна управлюсь?

– А что же они вас одну-то бросили?

– Да ну их всех! Сказали, что следующей электричкой Витька с Танькой приедут, ну, Генка может быть... Я им звонила, звонила, а они, дебилы такие, проспали, а Генка вообще не отвечает! И теперь электричек до вечера не будет, а эти крокодилы привезут мясо и начнут орать, почему ничего не готово, а что я могу сама сделать? Вы не поможете мне затащить всё это в дом и баллон к плите подключить? Пожалуйста!

– Ладно, сейчас сделаем. Инструмент у вас есть? Ну, там ключ разводной, плоскогубцы?

– Ой, да что вы, у нас тут вообще ничего нет, только в машине...

– Ну не страшно, я сейчас принесу, – Николай Васильевич сходил к себе, достал сумку с нехитрым инструментом, заодно сменил драную майку на приличную футболку, всё же неудобно в затрапезном виде приходиться. Старые шорты переодевать не стал – всё равно с железом возиться.

Вернулся на соседнюю дачу: у калитки куча сумок и пакетов, красный газовый баллон. Захарьев вспомнил, что утром, когда он только приехал, здесь порывивал мотором небольшой внедорожник, из тех, что называют паркетными, раздавались голоса.

Они с Элей занесли вначале вещи: в округе полно полубесхозных котов и собак, того и гляди, уташат что-нибудь. Потом взялся за баллон – ловко прикатил его на ребре доньшка, придерживая верх и наклоняя, поставил у плиты. Хотел спросить про редуктор, но тут же увидел его на полочке поблизости.

Прокладки, на удивление, также имелись, в специальном мешке рядом с редуктором. Николай Васильевич довольно быстро управился с работой, проверил соединение, попросил губку с мылом, нанёс пену на стыки – всё оказалось в порядке, пена не пузырилась, значит, соединение герметично.

Девушка в это время включила холодильник, достала снедь из пакетов, рассовала по полкам. Палку копчёной колбасы, кусок сыра, масло, хлеб поставила на стол, добавила коробку с печеньем.

– Вот, хозяйка, принимайте работу, – шутливо произнёс Захарьев.

Эля подбежала к плите, зажгла спичку, открыла кран.

– Ой, работает! – совсем по-детски захлопала в ладоши, – Спасибо вам большое! Я сейчас чайник поставлю, чаю попьём с бутербродами!

– Да нет, Эля, не надо, я пойду, пожалуй, – в его голосе не было уверенности.

– Нет-нет, и не думайте! Ой, простите, даже не спросила, как вас зовут...

– Николай Васильевич.

– Да-да, Николай Васильевич, куда я вас так просто не отпущу! Что же мне тут одной чаю гонять? Руки вон там помойте, и садитесь, сейчас я бутиков наделаю, а там и чайник закипит.

Она ловко резала колбасу и сыр, накладывала на ломтики нарезного хлеба, доставала пакетики чая, накрывала стол, и при этом весело болтала. Николай Васильевич узнал, что крокодилы – это её муж Вадик и его друзья с жёнами и подругами, собираются нечасто, вот сегодня решили выбраться, но получилось так непродуманно.

Захарьев в основном кивал, улыбался, вставлял междометия – на этом его роль заканчивалась. Собеседница и не нуждалась в ответных репликах, ей был нужен слушатель. Она подливала чай, делала новые «бутики», пододвигала ему печенье.

В одну из коротких пауз он спросил про рисунки, которые были развешаны на стенах, и немало удивился, узнав, что это работы её и мужа. Рисунки резко отличались: большинство из них чётко выписанные, яркие, занимавшие почти все стены, походили на работы Дали – тоже фигуры и предметы с необычного ракурса, переломанные, как бы текущие, но всё-таки иные, более насыщенные, с акцентом на окружающий фон, состоявший из переплетения узоров, образующих множество ускользающих сюжетов. Чувствовалась рука уверенного в себе художника, талантливого, зрелого мастера.

Другие, скромно примостившиеся в дальнем уголке, были проще, обыденнее, и в то же время милее и понятнее: рыженькая девушка с букетом ромашек, конёк-горбунок с Иванушкой, девочки с прозрачными крылышками за спиной – очевидно, феи.

– Это я рисовала, – подтвердила его догадку Эля, – ещё в школе, и сразу после. А то – Вадик. Он у меня настоящий художник, у него выставки, поклонники, его картины покупают. Здесь рисунки, вроде эскизов, а дома и в галереях – настоящие картины.

– А сейчас вы рисуете?

– Сейчас – нет, – она замолчала, словно сбилась с мысли, по её лицу промелькнула тень, или ему показалось?

– Но почему? Ведь у вас явно есть способности!

– Я вас прошу, Николай... Способности! Они есть у всех, а талант – у единиц, как у моего Вадика! Эти эскизы, это так, мелочи. Вы бы подлинники картин видели, на полотнах! Никогда на его выставках не были? Художник Вадим Светозарский, это у него псевдоним такой!

– Я давно на выставки не хожу, – почему-то это признание расстроило Захарьева, – а что касается способностей, то у меня, например, их нет совсем. Я даже внуку толком ни машинку, ни котика нарисовать не могу – какие-то каляки-маляки получаются!

– Ну и что? Наверняка у вас другие есть способности, стихи писать, например!

– Стихи... то давно было, в студенчестве. И рассказы писал, в многотиражке печатался. И на сцене немного играл... – Николай Васильевич смущённо улыбнулся.

– О, вот видите! Я же говорила! Вот у вас были способности, но вы не стали ни писателем, ни артистом! А если бы это был талант, то стали бы. Вот Вадик со своим талантом пробился, его знают, его картины покупают! А вы где играли, на какой сцене?

– Да особо ни на какой... У нас был коллектив такой, вроде как самодеятельный, но довольно сильный. Мы по заводам ездили, по воинским частям, в городском Доме Культуры выступали. Первое отделение – для партийного руководства: о революции, о партии, о комсомоле. А вторая часть – миниатюры. Юморные в основном, но и серьёзные бывали. А однажды очень глубокий спектакль поставили, антивоенный, но... настоящий, что ли. Я там изображал такое божество войны, которое требует всё новых жертв. Оно взывает что-то вроде: «Отдай мне своих юношей, мне нужны их нервы и мускулы, жилы и кровь! Они умрут ради меня и возьмут с собой миллионы других юношей...» При этом я стоял в левом углу тёмной сцены, а в правом находилась девушка, изображавшая на контрасте со мной всё доброе и светлое – мир, семью, не помню уже. Ну и нас с ней поочерёдно выхватывали пистолетом¹ – Эля при этом

¹ Пистолет – осветительный прибор проекционного типа, предназначенный для высвечивания узким и сильным световым пучком отдельных актеров и части декораций.

понимающе закивала, мол, знаю, что это такое, – а я произносил свои монологи на эмоциях, жестами, напрягая руки. Так вот, потом у нас был такой, ну, банкет, что ли, и один артист, настоящий, из театральной труппы, так он сказал, что сам играл эту роль довольно часто, но играл её на тексте, делал упор на смысл. А в моём исполнении увидел, как эту роль можно отыграть по-другому, на эмоциях. Это был потрясающий комплимент!

– Ой, как интересно! Как же вы так, не пошли дальше, не стали актёром?

– Ну, вы же тоже не пошли в художники...

– Не с моими средними способностями лезть в большое искусство, – девушка произнесла эту фразу каким-то чужим, чеканным голосом, как истину в последней инстанции, основополагающий постулат. И тут же сменила тему, вновь зашебетала:

– Ой, Николай, вы же так здорово рассказываете! Наши крокодилы ведь все, кто художник, кто артист, им будет тоже интересно! Вы не подумайте, что я их обзываю, они сами себя крокодилами именуют, потому, что крокодил не способен смотреть назад, ну просто шея у него не поворачивается, вот и они все такие, вперёдсмотрящие, авангард, типа. Они вечером приедут, тут шашлык будет, веселье, они всегда что-то забавное придумывают, а не просто пьянка. Вы приходите непременно, я вас приглашаю!

– Нет, что вы Эля, – Захарьев растерялся, – как это я вдруг приду к незнакомым людям, в чужую компанию... И одет я по-рабочему, и с собой принести нечего («Не с чекушкой водки же приходите»), подумал он).

– Да ну что вы, в самом деле! – она даже замахала руками. – Они сами в таких лахах² приезжают, это ж богема! А жратвы и выпивки столько привозят, что на три пикника хватит, потом всем с собой чуть не силком раздают. И послушать вас захотят наверняка, как вы артистом были в то время!

– Да каким там артистом, – махнул рукой Николай Васильевич, – так, любителем с большой дороги...

– Нет-нет, вы приходите обязательно, слышите? Я вас пригласила!

Захарьев ушёл взволнованный. Честно говоря, пойти в гости хотелось. Воспоминания разбередили душу, пришли на память их бесшабашные «гастроли» – поездки с концертами, репетиции, спектакли. Вспомнилось, как их коллектив в авральном порядке мобилизовали для какого-то юбилейного вечера со спектаклем о местном революционере с Пересыпи, причём отдали в распоряжение другого режиссёра, жёсткого конкурента их любимому Додику.

Как они издевались над надуманным, пафосным текстом, над режиссёром от райкома! Как он, молодой тогда Коленька, подбил всех на пакость: во время репетиции, они встали перед сценой и завыли по-волчьи. Когда пришлый режиссёр принялся на них орать, он невинно показал ему текст, отпечатанный на машинке, где значилось: «На авансцену ВВЛА группа чтецов». Понятно, что это была опечатка – «вышла», но получилось забавно. Им ничего не было ни за это, ни за другие хулиганства, может быть, из-за того, что в итоге спектакль они отыграли с блеском и завоевали грамоту от райкома партии...

² Лахи (укр., жарг.) – лохмотья

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.